

Е. Н. Гоголева
ГЕРОИЧЕСКАЯ ТЕМА

«Вот бредовой рассказ Бетховена Бетине фон Арним: «Я вижу, как она бежит и теряется в хаосе впечатлений, я ее преследую, снова схватываю ее страстно, я не могу больше от нее оторваться, мне надо ее размножить, в судорогах, по всем тональностям...»

Это место из книги Романа Роллана о Бетховене, описывающее состояние гениального мастера во время его работы над «Героической симфонией», мне часто приходит на память, когда я размышляю о своих спенических замыслах. Безусловно верно, что у каждого актера, актрисы есть своя генеральная линия образов, своя ведущая тема, на фоне которой каждая отдельная работа является только этапной вехой.

Меня всегда занимала и продолжает занимать тема власти. До известной степени эта моя тяга нашла свое выражение во всех моих работах, даже в ролях бытовых и второстепенных. Мне бы очень хотелось сыграть Лауренсию в «Овечьем источнике».

В плане моих будущих работ, вернее, в плане моих желаний и мечтаний актрисы, есть несколько образов, которые я во что бы то ни стало должна сыграть, если мне не помешают какие-нибудь объективные обстоятельства. Лауренсию я уже упомянула. Это один тип человеческой власти. За нею следуют в моей чайной галерее Саломея, Клеопатра, Леди Макбет. Когда я останавливаю свое внимание на шиллеровской трагедии о Марии Стюарт, я не могу оконча-

тельно решить, — кого же мне больше хочется сыграть: Марию или Елизавету...

По возвращении челюскинцев из своего славного героического похода я встретила с т. Ушаковым. Эта встреча застала меня врасплох. Сцена — это сцена, а жизнь всегда остается жизнью. Я была чрезвычайно взволнована. Мне предстояла беседа с человеком, проявившим столько почти безумной отваги в покорении стихии! Человеком, из плеяды тех, слава о которых в веках затмит наиболее звучные имена викингов и конквистадоров. Но вот со мной говорил чрезвычайно простой, очень застенчивый, ласковый и приветливый человек. Ни следа северной угрюмости, ни намек на следы тех трудных и жестоких испытаний, которым человек подвергнулся в течение долгих недель во время организации спасения челюскинцев и активного в ней участия.

И я сказала себе — вот человек подлинно героический, но в то же время бесконечно простой и «обыкновенный». Налицо ли здесь тема, занимающая мое воображение в течение всей моей спенической жизни? Я ответила — да, налицо, но в каком неожиданном и непривычном для нас аспекте! Я почувствовала всю новизну и первозданность, сказала бы я, этого бесконечно подкупающего и плодотворного проявления человеческой воли...

И вторая встреча — летом, во время отдыха в Боржоме — с Димитро-

вым. Я увидела перед глазами человека, который стоял долгие месяцы один лицом к лицу с озверелым фашизмом, беспредельно жестоки и неразборчивым в средствах... Я оказалась в обществе чрезвычайно радужного, гостеприимного человека (он жил по соседству с нами в леканском доме отдыха), остроумного, часто очень лирически настроенного, любящего пошутить и пошутиться. Его интересы оказались чрезвычайно разносторонними. С врачом он увлекательно говорил о медицине, с учителем — на темы народного образования, с актерами — о театре, искусстве. И его исключительная простота на фоне огромной популярности. Он ездил по горным аулам, в каждой, самой отдаленной деревне его немедленно узнавали, и он находил слова, простые и конкретные, для того, чтобы перекинуться с каждым несколькими фразами. Димитров оказался человеком с большим художественным чутьем и знанием литературы. Он чрезвычайно глубоко воспринимал чтение отрывков из гамсуновской «Виктории», требовал повторения стихов Сельвинского «Письмо французского рабочего».

Еще одна любопытная черта. Он любил преодолевать любые трудности. Лазая по горам, взбираясь на руины Алхурской крепости, он никогда не задумывался над крутизной и трудностью подъема. Он уверенно и без оглядки взбирался вверх, не задумываясь о предстоящем спуске.

И эта встреча повернула мои мысли в новую сторону. Героическая натура и тонкий эмоциональный лиризм, — согласуемы ли они? Но это были уже чисто теоретические размышления, ибо натолкнул меня на них факт абсолютной и безапелляционной согласованности обеих черт в характере человека — революционера, большевика.

Я посетила в этом году несколько выставок — Куприна, «15 лет», Бродского. В лирически мягких полотнах А. В. Куприна я не нашла того яркого солнца, которого глаз так жаждал искать в его южных пейзажах. В полотнах Лентулова мне эта брызжущая через край темпераментная яркость сильно импонировала.

Я до сих пор не могу отделаться от большого впечатления, которое на меня произвели отдельные композиции Бродского. Какой огромный, кропотливый и тщательный труд олицетворен здесь в отдельных полотнах мастера! Сколько напряжения понадобилось для того, чтобы так точно и безошибочно выписать все детали в огромнейшем полотне «Ленин на Путиловском заводе».

И затем еще «Пушкин» Кончаловского, которого я несколько раз смотрела на выставке «15 лет». В чем прелесть этой картины? В том, что Кончаловский первый написал такого интимного, врасплох застывшего поэта (здесь и неприкрытые ноги, и кусочек лимона, и валяющийся в углу пистолет). Необычайное мастерство, которому удается соединить это малое, интимное с великим и патетическим!